

Посвящается Трейси

Памяти Ларри

Пролог

По случаю Дня Колумба¹ выходные на этой неделе выдались длинные, и с погодой им повезло просто сказочно, настоящее бабье лето, редко в октябре бывает такая теплынь. Она сидит в шезлонге с поднятой спинкой, погрузив босые ступни в горячий песок. Перед ней ослепительным серебром переливается в солнечных лучах океан. Сегодня не видно ни рыбацких лодок, ни яхт на горизонте, ни серферов, ни пловцов близ берега — лишь чистая океанская гладь. Она с наслаждением дышит полной грудью, словно желая напиться всем этим впрок.

Три ее дочери заняты сооружением замка из песка. Место, которое они выбрали, слишком близко к воде. Через час их замок смоев приливом, но они не вняли предостережению матери.

Самая старшая — ей без малого восемь — выступает в роли архитектора и прораба одновременно.

¹ *День Колумба* — праздник в честь годовщины прибытия Христофора Колумба в Америку 12 октября 1492 года, традиционно отмечается в США во второй понедельник октября.

«Сюда надо добавить еще песка. А сюда воткнуть перышко. Так, а теперь сходите и наберите ракушек, это будут окошки. Эту яму надо сделать глубже». Две младшие — ее верные подручные.

— Тащите еще воды!

Самая младшая, четырехлетняя, с готовностью бросается исполнять распоряжение. Схватив ведро, она по колено забегает в океан, набирает воды и, пытая от натуги, спешит обратно к сестрам, увязая в песке и расплескивая по пути едва ли не половину. По лицу ее расплывается счастливая улыбка: и она тоже участвует в общем деле! И она тоже помогает!

Она любит наблюдать за дочками в такие моменты, когда они, как сейчас, увлечены игрой и не обращают на нее никакого внимания. Она любит их гибкими телами в трогательных детских купальниках, их гладкой кожей, с которой еще не успел сойти загар, приобретенный за лето, проведенное на свежем воздухе, тем, как они без усталости подпрыгивают, присаживаются на корточки, изгибаются, плюхаются на песок — и все это без малейшего стеснения.

Длинные выходные и хорошая погода привлекли на остров множество туристов. Такого количества народу — прогуливающегося и нежащегося на солнышке — здешние места не видели с самого лета. Только вчера она бродила по этому самому пляжу целый час и встретила лишь одного человека. Но это было утро пятницы, к тому же было холодно и туманно.

Ее внимание привлекает женщина, сидящая в точно таком же шезлонге у кромки воды, и маленький мальчик, который в одиночестве играет рядом с ней. Он очень худенький, без рубашки, в одних только го-

лубых пляжных шортах. На вид ему где-то на год поменьше, чем ее младшенькой. Он аккуратно выкладывает на песке белые камешки в ровную линию.

Каждый раз, когда набегают волна, на мгновение заливая часть камешков белой пеной, он принимается с восторженным визгом подпрыгивать на одном месте. А потом забегает в воду, будто пытаясь догнать волну, и бежит обратно с улыбкой до ушей.

Почему-то замороженная этим зрелищем, она продолжает наблюдать за тем, как он методично добавляет к линии все новые и новые камешки.

— Грейси, сходи спроси того мальчика, может, он тоже хочет вместе с вами строить замок.

Общительная и привыкшая исполнять распоряжения, Грейси подбегает к мальчику. Она наблюдает за тем, как ее дочка, сложив руки на поясе, что-то говорит ему, но они слишком далеко, чтобы она могла слышать, что именно. Мальчик словно не замечает ее. Его мать бросает на них мимолетный взгляд через плечо.

Грейси бежит обратно к их пляжному одеялу одна.

— Он не хочет!

— Ну ладно.

Вскоре вода подступает совсем вплотную к замку, да и девочкам уже самим наскучивает его строить, и они начинают канючить, что хотят есть. Время уже к обеду, а никакой еды с собой она не захватила. Пора уходить.

Она закрывает глаза и в последний раз набирает полные легкие теплого, свежего, соленого воздуха, потом делает выдох и встает. Вокруг в беспорядке разбросаны совки и формочки, и она, собрав их в охап-

ку, несет ополоснуть от песка. Волна набегаёт на её босые ступни. От ледяной воды ноги мгновенно немеют. Споласкивая одну за другой игрушки дочерей, она обводит песок взглядом в поисках ракушек или цветных стеклышек, обкатанных морем до идеальной гладкости, — чего-нибудь красивого, что можно было бы захватить домой.

Ничего стоящего не находится, но зато на глаза ей попадает блестящий белый камешек, выглядывающий из песка. Она поднимает его. Он овальной формы и абсолютно гладкий. Она подходит к мальчику, наклоняется и осторожно кладёт свой камешек в конец его ряда.

Он взглядывает на неё так быстро, что она даже до конца не уверена, не почудились ли они ей — эти на мгновение вскинутые на неё из-под ресниц потрясающие карие глаза с пляшущими в них солнечными искорками, полные восторга оттого, что она приняла участие в его игре. Он с визгом подскакивает на месте и от избытка чувств несколько раз коротко всплескивает руками.

Она улыбается матери мальчика, и та улыбается в ответ, хотя сдержанно и устало, улыбкой, не предполагающей никакого продолжения. Она совершенно уверена в том, что не знакома ни с этой женщиной, ни с её сынишкой, и у неё нет ровным счётом никаких причин полагать, что она когда-либо увидит их снова, но, разворачиваясь, чтобы уйти, она неожиданно для себя самой машет им рукой и с полной убежденностью произносит:

— Ещё увидимся!

Глава 1

Бет одна дома, прислушивается к шторму и размышляет, чем бы таким заняться. Строго говоря, она не совсем одна. Наверху спит Джимми. Но она чувствует себя одинокой. Сейчас десять утра, девочки в школе, а Джимми проснется не раньше полудня. Она свернулась калачиком на диване и, прихлебывая горячее какао из своей любимой голубой кружки, смотрит на пылающий в камине огонь и слушает.

Дождь и песок хлещут в окна, точно атакующий неприятель. От кого-то из соседей доносится повторяющийся перезвон китайских колокольчиков, безумная музыка, скачущая порывами. Ветер воет, точно какой-то отчаянно тоскующий зверь. Штормы у них на Нантакете¹ зимой лютые. Лютые и неистовые. Раньше они ее пугали, но это было много лет назад, когда она только переехала сюда.

Радиатор шипит. Джимми храпит.

¹ *Нантакет* — остров в Атлантическом океане у Восточного побережья Северной Америки. Входит в состав штата Массачусетс.

Со стиркой она уже разделалась, девочки придут из школы только через несколько часов, обед готовить еще рано. Хорошо, что вчера она накупила продуктов. Нужно еще пропылесосить весь дом, но она подождет, пока Джимми встанет. Он только в третьем часу ночи вернулся с работы.

Жаль, что у нее нет книги, которую нужно прочитать к следующему собранию книжного клуба. Она все время забывает захватить в библиотеку. В этом месяце они обсуждали «Загадочное ночное убийство собаки» Марка Хэддона. Это была незатейливая детективная история, написанная от лица мальчика-подростка, страдающего аутизмом. Бет она понравилась; в особенности ее очаровал странный внутренний мир главного героя, хотя она надеется, что следующая книга будет попроще. Обычно для обсуждения в книжном клубе они выбирают серьезную литературу, но сейчас она не отказалась бы отвлечься на какой-нибудь любовный роман, где действие происходило бы жарким летом. И никто бы не отказался.

Что-то с грохотом врывается в дальнюю стену дома, и Бет вздрагивает от неожиданности. Гровер, их черный лабрадор, мирно спящий на плетеном коврикe, скидывает голову.

— Все в порядке, Гров. Это всего лишь папино кресло.

Зная, что надвигается сильный шторм, она просила Джимми занести кресло в дом, перед тем как тот уйдет на работу. Это его курительное кресло. В сентябре кто-то из отдыхающих, которые приезжают сюда на лето, оставил его на обочине дороги, прилепив к спинке скотчем лист бумаги с надписью: «Забирай-

те, кто хотите», и Джимми не устоял, хотя, по правде говоря, этой рухляди самое место на свалке. Это классический садовый «адирондак» из кедрового дерева. Практически в любом другом месте на земле это кресло могло бы служить вечно, но здесь, на Нантакете, соль и влага в воздухе рано или поздно разъедают все, кроме самых плотных искусственных композитных материалов. Чтобы выжить в этих краях, все должно быть исключительно прочным. И пожалуй, более чем плотным.

Так что да, сгнившему и покрытому плесенью креслу Джимми место на свалке или, как минимум, в гараже, куда Бет предусмотрительно и предложила его убрать вчера вечером. Но вместо этого ветер оторвал его от земли и швырнул в стену дома. Она подумывает встать и оттащить злополучное кресло в гараж самостоятельно, но потом решает, что не стоит. Может, шторм разобьет наконец его в щепки. Разумеется, если такое случится, Джимми просто найдет себе какое-нибудь другое кресло, чтобы курить в нем свои вонючие сигары.

Она сидит на диване и пытается наслаждаться своим какао, штормом и огнем в камине, но мысль о том, что надо встать и чем-нибудь заняться, не дает ей покоя. Что бы такого сделать полезного? Она подходит к каминной полке и берет в руки их с Джимми свадебную фотографию. Мистер и миссис Джеймс Эллис. Четырнадцать лет тому назад. Тогда волосы у нее были более длинными и светлыми. А кожа безупречной. Ни пор, ни пигментных пятен, ни морщин. Она проводит кончиками пальцев по своей тридцативосьмилетней щеке и вздыхает. И Джимми выглядит прос-

то потрясающе. Впрочем, он и сейчас так выглядит — бóльшую часть времени.

Она внимательно разглядывает его улыбку на фото. Прикус у него чуть глубоковат, и верхние клыки слегка выдаются вперед. Когда они с ним только познакомились, она считала, что неровные зубы делают его обаятельней, придают его облику нотку брутальности, не превращая его при этом в деревенщину. На его губах играет самоуверенная, озорная, неотразимая ухмылка из тех, что заставляет людей — женщин — прикладывать значительные усилия ради того, чтобы ее удостоиться.

Однако в последнее время его зубы начали ее раздражать. То, как он проходится по ним языком после еды. То, как он жует с открытым ртом. То, как торчат его верхние клыки. Иногда она ловит себя на том, что смотрит на них, когда он говорит, и мечтает, чтобы он заткнулся. На свадебной фотографии они у него жемчужно-белые, а сейчас скорее даже не сливочного, а карамельного оттенка, пожелтевшие за годы ежедневного злоупотребления кофе и этими его вонючими сигарами.

Его когда-то прекрасные зубы. Ее когда-то прекрасная кожа. Его раздражающие привычки. Она, впрочем, в этом смысле тоже не без греха. Ее нудеж доводит его до белого каления, она знает это. Это обычное дело, когда люди становятся старше, когда они женаты четырнадцать лет. Она улыбается белозубой улыбке Джимми на фотографии, потом ставит снимок обратно на каминную полку чуть левее того места, где он стоял до этого, и, отступив на шаг назад, окидывает ее критическим взглядом.

Полка эта представляет собой цельный шестифутовый кусок топляка, прибитый над камином. Они нашли его однажды ночью у кромки воды на пляже Серфсайд в то их самое первое лето. Джимми поднял его и сказал: «Когда-нибудь мы повесим его над камином в нашем с тобой доме». Потом он поцеловал ее, и она поверила ему. Они тогда были знакомы всего несколько недель.

На полке стоят три фотографии, все в одинаковых состаренных белых рамках: слева — шестинедельный Гровер, посередине — Бет с Джимми, справа — пляжный портрет Софи, Джессики и Грейси в белых блузках и розовых крестьянских юбках в цветочек. Снимок был сделан сразу после второго дня рождения Грейси, восемь лет тому назад.

— Как быстро летит время, — говорит она вслух, обращаясь к Гроверу.

Слева фотографию Бет с Джимми обрамляет большущая персиковая морская звезда, которую Софи нашла неподалеку от маяка Санкати, справа — закрученная в идеальную спираль ракушка, тоже большущая и без единой щербинки или трещинки. Эту ракушку Бет нашла у маяка Грейт-Пойнт в тот год, когда они с Джимми поженились, и сумела сохранить ее в первозданном виде, несмотря на три переезда. С тех пор она подобрала несколько сотен подобных ракушек, но без изъяна среди них не было ни одной. Композиция, украшающая каминную полку, всегда неизменна. Ничего другого туда не допускается.

Она снова поправляет свадебную фотографию, сдвигая ее чуть вправо, и отступает назад. Ну вот. Так-то лучше. Точно по центру. Все как полагается.

А теперь что? Ее переполняет жажда деятельности.

— Вставай, Гровер. Пойдем пройдемся до почтового ящика.

Едва выйдя за дверь, она жалеет о своем решении. Ветер прохватывает насквозь самую плотную ее непродуваемую зимнюю куртку с такой легкостью, как будто это решето. Бет пробирает дрожь, холод пронизывает ее до костей. Косой дождь хлещет в лицо, не дает открыть глаза, так что она с трудом видит, куда они идут. Бедняга Гровер, который еще несколько минут назад мирно спал на теплой подстилке, жалобно поскуливает.

— Прости, Гров. Скоро уже пойдем домой.

От их дома до почтовых ящиков примерно с полмили. По соседству с Бет живут немногочисленные постоянные обитатели острова и те, кто приезжает сюда на лето, но в основном отпускники живут на ее пути к почте. Поэтому в это время года дома пусты и темны. В окнах не горит свет, из труб не идет дым, на подъездных дорожках не стоят машины. Все тихо и безжизненно. И серо. Небо, земля, кедровая дранка на каждом пустом и темном доме, океан, которого она сейчас не видит, но чувствует его запах. Все одинаково серое. Она до сих пор так к этому и не привыкла. Нантакетская зима с ее постоянной серостью способна расшатать самую устойчивую психику. Даже самые непробиваемые из местных, люди, любящие их остров сильнее всех, в марте дают слабину.

Какого черта мы делаем на этом богом забытом клочке серого песка?

Весна, лето и осень — дело другое. Весной глаз радуют желтые нарциссы, летом — ослепительно-си-

нее, как на Миконосе, небо, осенью — ржаво-красные россыпи клюквы на болотах. И ко всему этому в комплекте прилагаются туристы. Конечно, свои минусы в этом тоже есть. Но с туристами приходит жизнь. Жизнь! После рождественских гуляний в декабре все они уезжают. Возвращаются на материк, туда, где есть «Макдоналдсы» и большие торговые центры и где все заведения открыты и в январе. И цвет. Там у них есть цвет!

Продрогшая, вымокшая и несчастная, Бет доходит до ряда серых почтовых ящиков, стоящих вдоль дороги, открывает крышку своего, вытаскивает три разномастных конверта и торопливо сует их за пазуху, чтобы защитить от дождя.

— Идем, Гровер. Домой!

Они разворачиваются и идут обратно. Теперь, когда дождь с ветром хлещут ей в спину, она может поднять голову, чтобы смотреть вперед, а не только себе под ноги. Там, вдалеке, кто-то идет им с Гровером навстречу. Интересно, кто бы это мог быть?

Когда расстояние, разделяющее их, немного сокращается, она понимает, что это женщина. Подруги Бет в большинстве своем живут в центре острова. Джилл живет в Циско, а это хотя и недалеко отсюда, но в противоположном направлении, к тому же эта женщина слишком маленького роста, чтобы быть Джилл. На ней шапка, шарф, намотанный до самых глаз, парка и сапоги. В таком наряде узнать кого бы то ни было довольно трудно, но Бет наверняка должна ее знать. Не так уж и много у них тут людей, которые могут разгуливать по улице в такое ненастье

мартовским утром в четверг. Отдыхающим в это время года на Нантакете делать нечего.

Теперь их разделяют всего несколько ярдов, но Бет по-прежнему не узнает ее. Единственное, что она может сказать, это что у женщины длинные черные волосы. Бет собирается поздороваться и, когда женщина оказывается прямо перед ней, уже приветливо улыбается, но женщина упорно смотрит в землю и явно не желает встречаться с ней взглядом. Так что Бет не здоровается и чувствует себя глупо из-за этой своей улыбки. Гровер подбегает к незнакомке с намерением обнюхать, но та торопливо обходит его и, прежде чем Бет с Гровером удастся узнать о ней что-либо еще, оказывается у них за спиной.

Через несколько шагов Бет все-таки не выдерживает и оглядывается. Женщина стоит перед почтовыми ящиками, ближе к дальнему концу ряда.

— Из Нью-Йорка, наверное, — бормочет себе под нос Бет и, отвернувшись, идет в сторону дома.

Очутившись наконец под крышей, Гровер энергично отряхивается, забрызгивая водой все вокруг. Обычно Бет ругает его за это, но сейчас это не имеет значения. Пока они открывали дверь, в прихожую влилось ведро воды. Она снимает шапку и куртку, и конверты падают на пол. Теперь сапоги. С нее ручьями течет вода.

Стащив с себя промокшие до нитки носки и джинсы, она бросает их в корзину для грязного белья и натягивает пижамные штаны из флиса и уютные домашние тапочки. Очутившись в тепле и сухости, она тут же веселеет и возвращается в прихожую подобрать

с пола письма, после чего плюхается на диван. Гровер уже снова дремлет на своем плетеном коврикe.

В первом конверте счет за отопление; он вполне может оказаться больше, чем их ежемесячный ипотечный платеж за дом. Бет решает, что откроет его позже. В следующем обнаруживается каталог «Виктория секрет». Года три назад она заказала у них себе на Рождество один-единственный лифчик с поролоновыми вкладышами, и теперь они усердно шлют ей каталоги. Ладно, сгодится на растопку камина. Последний конверт надписан от руки и адресован Бет. Она вскрывает его. Внутри обнаруживается поздравительная открытка с именинным тортом на лицевой стороне.

«Пусть все твои мечты исполнятся!»

Очень странно. День рождения у нее только в октябре.

Надпись «С днем рождения!» на развороте перечеркнута одним уверенным росчерком синей шариковой ручки. А под ней кто-то вывел:

Я сплю с Джимми.

P. S. Он меня любит.

Она несколько раз перечитывает эти слова, чтобы убедиться, что правильно их поняла. Потом с внезапно заколотившимся сердцем вновь берет в руки конверт. Кто это прислал? Обратного адреса на конверте нет, но почтовый штемпель поставлен на Нантакете. Почерк ей не знаком. Буквы аккуратные и округлые. Рука определенно женская. Другой женщины.

Держа конверт в одной руке, а открытку в другой, она скидывает глаза на каминную полку, на их сва-

дебную фотографию ровно посередине, и сглатывает. Во рту у нее внезапно становится сухо.

Она встает с дивана и подходит к камину. Отодвигает в сторону металлический защитный экран. Потом швыряет в огонь каталог «Виктория секрет» и смотрит, как глянцевые страницы скукоживаются и обугливаются по углам, как горит и превращается в сизый пепел бумага. Готово. Руки у нее трясутся. Она сжимает в пальцах конверт и открытку. Если она сейчас сожжет их, то можно будет сделать вид, что она никогда их и не видела. Что их никогда не существовало.

На нее вдруг накатывает вихрь неожиданных эмоций. Она испытывает страх и гнев, панику и унижение. К горлу подкатывает тошнота, как будто ее вот-вот вырвет. Единственное, чего она не испытывает, это удивления.

Она возвращает экран на место и, зажав в кулаке конверт с открыткой, начинает подниматься по лестнице на храп Джимми, со значением печатая каждый шаг.

Глава 2

Оливия скидывает с себя всю одежду до нижнего белья и натягивает спортивные штаны, носки и любимую старенькую фуфайку с логотипом Бостонского колледжа на груди. Переодетая в сухое, но все еще замерзшая, она спешит вниз, в гостиную, и нажимает кнопку на пульте дистанционного управления камином. Пламя занимается мгновенно, и она, встав перед ним, терпеливо ждет, но теплее ей так и не становится. Она трогает стеклянную дверцу ладонью. Стекло чуть теплое. Это была идея Дэвида — перевести камин на газ. Так-де лучше для сдачи в аренду. Удобнее и грязи меньше.

Хотя они с Дэвидом стали хозяевами этого коттеджа одиннадцать лет назад, сами они никогда здесь не жили. Они купили его в качестве вложения денег прямо перед тем, как на рынке недвижимости разразился бум и цены взлетели в несколько раз. Дэвид, который окончил бизнес-школу и после выпуска нехотя подключился к семейному бизнесу в сфере недвижимости, всегда зорко следит за рынком на предмет покупки какого-нибудь объекта с потенциалом. Главное

для него — местоположение, местоположение и еще раз местоположение. Он выискивает какую-нибудь требующую ремонта развалюху в правильном месте, покупает ее задешево, нанимает строительную бригаду подновить кухню с ванной и подкрасить стены изнутри и снаружи, а потом продает. Его цель — провернуть всю эту комбинацию как можно быстрее, воткнуть на лужайке перед домом табличку «Продано» и положить себе в карман солидную прибыль.

Но с этим домом на Нантакете дело обстояло совершенно иначе. Поскольку почти пятьдесят процентов площади острова отведено под заповедник и доступной для застройки остается лишь половина от без малого пятидесяти квадратных миль территории, продавать этот дом в намерения Дэвида не входило. Он уверял Оливию, что его цена никогда не опустится ниже той, что они за него заплатили. Сам по себе дом не представляет собой ничего выдающегося: скромный четырехкомнатный коттедж, абсолютно ничем не примечательный ни с точки зрения интерьеров, ни с точки зрения планировки. Однако его расположение менее чем в миле от пляжа Толстух делает его крайне привлекательным в глазах отпускников, приезжающих сюда отдохнуть на лето, и Дэвид справедливо рассудил, что они всегда смогут с лихвой покрыть ипотечные платежи за год, сдавая дом в аренду на летние месяцы.

«Это выгодное вложение в наше будущее», — сказал он тогда. Это были те благословенные времена, когда они еще могли так беспечно строить планы на будущее.

Они жили в этом доме недельку-другую раз в год в межсезонье, как правило в октябре, но этим поезд-

кам пришел конец, когда Энтони исполнилось три. Да практически всему в их жизни пришел конец, когда Энтони исполнилось три.

Где-то вдалеке яростно завывает налетевший ветер. Его вой напоминает Оливии плач ребенка, заходящегося в рыданиях от боли. В окнах дребезжат стекла, холодный сквозняк задувает ей за шиворот. Она ежится. Нантакет зимой. Да, привыкнуть к такому будет непросто.

Она трет ладони, пытаюсь согреть их, но все без толку. Интересно, есть здесь где-нибудь плед? Она приехала сюда всего девять дней назад и до сих пор толком не знает, где что лежит, и чувствует себя гостью в чужом доме. Постоялицей в гостинице. Она заглядывает в бельевой шкаф, находит серое шерстяное одеяло — она даже смутно помнит, как его покупала, — накидывает его на плечи и устраивается в кресле в гостиной разбирать почту.

Все счета по-прежнему присылают на адрес их дома в Хингеме, маленьком городке на атлантическом побережье чуть к югу от Бостона, так что до сих пор она не находила в своем почтовом ящике ничего, кроме рекламы разнообразных строительно-ремонтно-бытовых услуг, местных предвыборных листовок и скидочных купонов, но сегодня ей прислали настоящую почту!

Не успев еще даже вскрыть первый пухлый конверт, она уже знает, что там книга от ее бывшей начальницы, Луизы, старшего редактора «Тейлор Креппс». На конверте желтеет наклейка переадресации. Луиза не знает, что Оливия переехала на Нантакет. И про Энтони тоже не знает.